Альберт ЛЕМАН

Назиб Гаязович ЖИГАНОВ...

Назиб ЖИГАНОВ...

Назиб...

Еще совсем недавно Назиб Гаязович Жиганов был влиятельным, властным человеком, чья позиция в жизни, искусстве чаще всего была незыблемой. Он был необычайно авторитетен в самых высоких кругах общества. Во всех докладах, «писаниях» о выдающихся людях Жиганов всегда входил в первую десятку «самых-самых»: Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Свиридов, Кара-Караев, Кабалевский, Хренников, Жиганов... Он был награжден всеми возможными почетными знаками отличия. Его фамилия была на слуху широко и повсеместно. В любом музыкальном уголке огромной страны, и дальше — за рубежом имя композитора произносилось как имя большой личности, знаменитости, жизнь которой ярко бушевала в современном мире. Теперь это уже история... Теперь от Назиба Гаязовича Жиганова осталось только художественное имя — «Назиб Жиганов». Живой человеческий облик его все более уходит за облака Времени, Времен и живет уже только в воспоминаниях, в памяти. Такова природа жизни на нашей грешной, многогрешной земле.

С Г. Нейгаузом и А. Леманом. *Март 1964 г.*

Я знал Назиба Жиганова около полувека. Он был для меня и Назибом Гаязовичем Жигановым — необычайно умным человеком, личностью, человеком редчайшей деятельной энергии, стратегом, политиком, строителем, дальновидным созидателем культуры, искусства, образования. Был и Назибом Жигановым — крупнейшим современным композитором, автором превосходных, самобытных музыкальных произведений, отмеченных неповторимым татарским (национальным) своеобразием, богатейшими художественными свойствами собственной творческой индивидуальности. Я знал Назиба Жиганова как художника большого таланта, относящегося к творчеству самозабвенно, влюбленно, неотрекаемо. Как художника, находящегося в постоянном движении к новому, к совершенству; художника, преданного большому сердцу своего народа, — народа, который он безмерно любил и которому всеми силами ума, сердца, таланта служил.

Я знал его и как просто Назиба — товарища по искусству, по жизни, и как друга... Мне довелось быть с Жигановым близко, рядом, возле, на дистанции, параллельно. Назиб Жиганов был слишком переменчив во всей своей многогранности, чтобы оставаться только «диатоничным». Он был личностью противоречивой. Раньше у нас это считалось недостатком. Я же думаю, что это великое достоинство. Уберите «противоречия» между Северным и Южным полюсами и экватором... и жизнь замрет. Ни ветров, ни дождей, ни колебаний температуры — жизнь действительно замрет. Душа этого человека, его ум, его мировзгляд постоянно в движении как ноябрьские беспокойные тучи... облака... Движение и есть главнейшее в жизни, в творчестве, особенно в музыке. Жиганов — это постоянное непостоянство!

Я, право, любил Назиба Жиганова в его «субдоминантовой» сфере. Здесь он был непредсказуем. Именно в «субдоминантовом» настроении рождались его творческие, жизненные находки.

Впервые я встретился с Н.Г. Жигановым в 1942 году, когда скомандировочным удостоверением Ленинградского управления по делам искусств, где я был заведующим музыкальным отделом, заехал в Казань, куда были эвакуированы моя жена, Елена Александровна Абросимова, и моя дочь. По разным причинам я остался в Татарии, включился в творческую работу Союза композиторов, а впоследствии и в работу только что открытой в Казани консерватории.

Назиб Жиганов произвел на меня прекрасное впечатление. Молодой, красивый, яркий, умный человек, в котором я сразу увидел лидера музыкальной жизни тогдашней Казани. Я узнал, что он окончил Московскую консерваторию у выдающегося педагога Генриха Ильича Литинского, что он уже автор опер «Качкын» и «Алтынчач», председатель Союза композиторов республики.

У Жиганова было удивительно выразительное, подвижное лицо, умные глаза с некоторым прищуром. Он говорил быстро, очень ясно выражая свои мысли. Мне он показался очень симпатичным человеком. Его манера держаться была запоминающейся. Было в нем и что-то таинственное, нездешнее, некое полуотсутствие при полном участии в происходящем. Позже я часто видел, как он становился задумчивым, мгновенно уходил в себя, в некий свой внутренний, творящий, думающий мир, может быть, в свои художественные видения, которыми он всегда был переполнен. Но часто Жиганов бывал необыкновенно конструктивным, расчетливым, позиционно игровым, волевым, мгновенно решающим. Он был многогранен!

Одним из главных качеств его личности была особая заинтересованность в движении жизни, продвижении хороших, полезных идей. Назиб Жиганов не терпел статики, уютного покоя. Ради осуществления большой творческой созидательной идеи, ради приближения ее осуществления он мог неистово трудиться, не жалея никаких сил, а порой и здоровья.

Теперь, когда все привыкли, что Казань — город оперный, город филармонический со своим национальным симфоническим оркестром, исполнителями, певцами, город консерваторский — город всех необходимых для получения полного музыкального образования учебных заведений, мало кто думает, что все это выросло из идей, догадок, устремлений, родившихся в голове, в сердце Назиба Жиганова. И это не преувеличение!

Это он, Назиб Жиганов, шаг за шагом строил современную историю национальной культуры, татарского музыкального искусства на принципиально новом смысловом уровне. Он мечтал об искусстве татарского народа, идущем от самых корней его духовности, его уникальных особенностей, об искусстве собирательном, вобравшем в себя все предыдущие достижения.

Я полностью отвергаю версию неких недоброжелателей, будто Жиганов мнил себя единственным родоначальником татарской профессиональной музыки, хотя во многом именно он им и был. Он мечтал о подлинном мастерстве, высоком профессионализме, коммуникативности татарского музыкального искусства, о его способности постоять за себя в масштабе мировом. Отсюда идут жигановские грандиозные идеи создания национального оперного театра, открытия консерватории, школы-десятилетки для особо одаренных детей, строительства Актового зала консерватории, вовлечения татарской молодежи в профессиональное искусство, создания симфонического оркестра, собственной национальной композиторской школы, воспитания молодых талантливых исполнителей-инструменталистов, певцов-солистов, развития музыкальной науки, становления татарской хоровой культуры.

По существу, Жиганов, деятельно возводя сегодняшнее, современное здание искусства, был человеком будущего. Все, что он делал, было адресовано новым и новым поколениям людей.

НАЗИБ ЖИГАНОВ — КОМПОЗИТОР

Как-то во время войны в Казань приехал Михаил Фабианович Гнесин — один из ярких учеников Римского–Корсакова. В день его приезда мы пошли в театр слушать оперу «Алтанчач». Гнесин с необыкновенным вниманием слушал музыку. Он находил многие черты, приемы, идущие от Римского–Корсакова, очень хвалил талант и мастерство молодого композитора, яркость колорита, живость и своеобразие музыкальной речи. Неожиданно он обратился ко мне с репликой: «Вы замечаете, что композитор не так часто модулирует, как смело перемещает тональности... Весьма оригинально...» Опера нам очень понравилась. Большое впечатление произвели основные образы — Тугзак, Джик, Алтынчач. Прекрасна была партитура оперы.

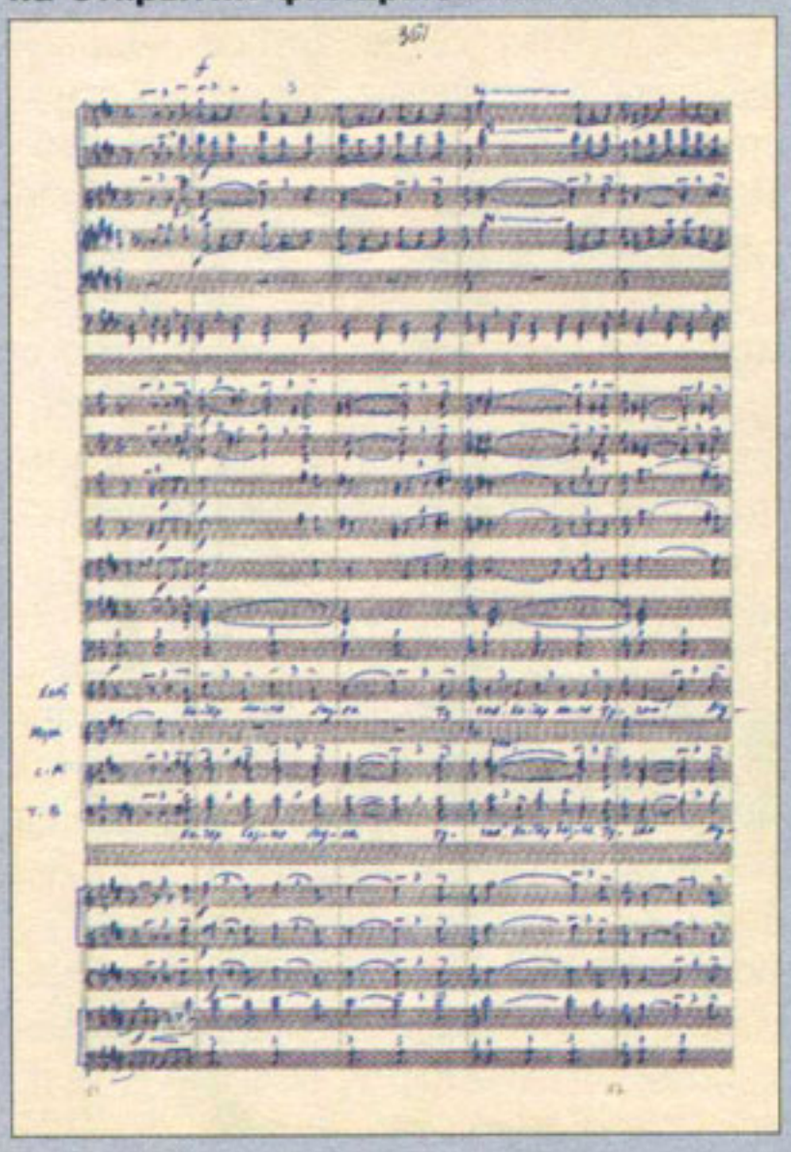
Назиб Жиганов создал одну из лучших своих опер, будучи еще совсем молодым композитором, но уже в ней проявилось его зрелое драматургическое, вокальное и оркестровое мастерство. Тяга к многокрасочному, нарядному ярко-

тембровому оркестру стала весьма важной стороной всего его творчества. Уже в недрах опер Назиба Жиганова видны ростки татарского симфонизма, которому впоследствии композитор будет уделять громадное внимание. Владение всеми гранями оркестрового письма, особый дар в этой труднейшей области музыкального творчества выделяли Назиба Жиганова среди многих композиторов его времени. Не случайно сразу после открытия Казанской консерватории он вызвался вести именно курс оркестровки у молодых композиторов.

Этот курс он вел блистательно на протяжении всей своей педагогической деятельности. Не было ни одного композитора, обучавшегося в Казанской консерватории, который не был бы учеником Жиганова по оркестровке. И почти все они великолепно знают и умеют писать оркестровую партитуру.

Я бы отметил две главные сферы творческих интересов Назиба Жиганова: сценическое музыкальное творчество (опера, балет) и симфонизм. Между ними было и немало «интерлюдий» — хоровых, вокальных, инструментальных произведений. Но главное, повторяю: опера — сцена, симфонизм — концертная эстрада. Эти две сферы, как известно из всемирной истории музыки, всегда были наиболее важными, неописуемо трудными для зрелого постижения, особенно в развитии национальных музыкальных культур. Заслуга,

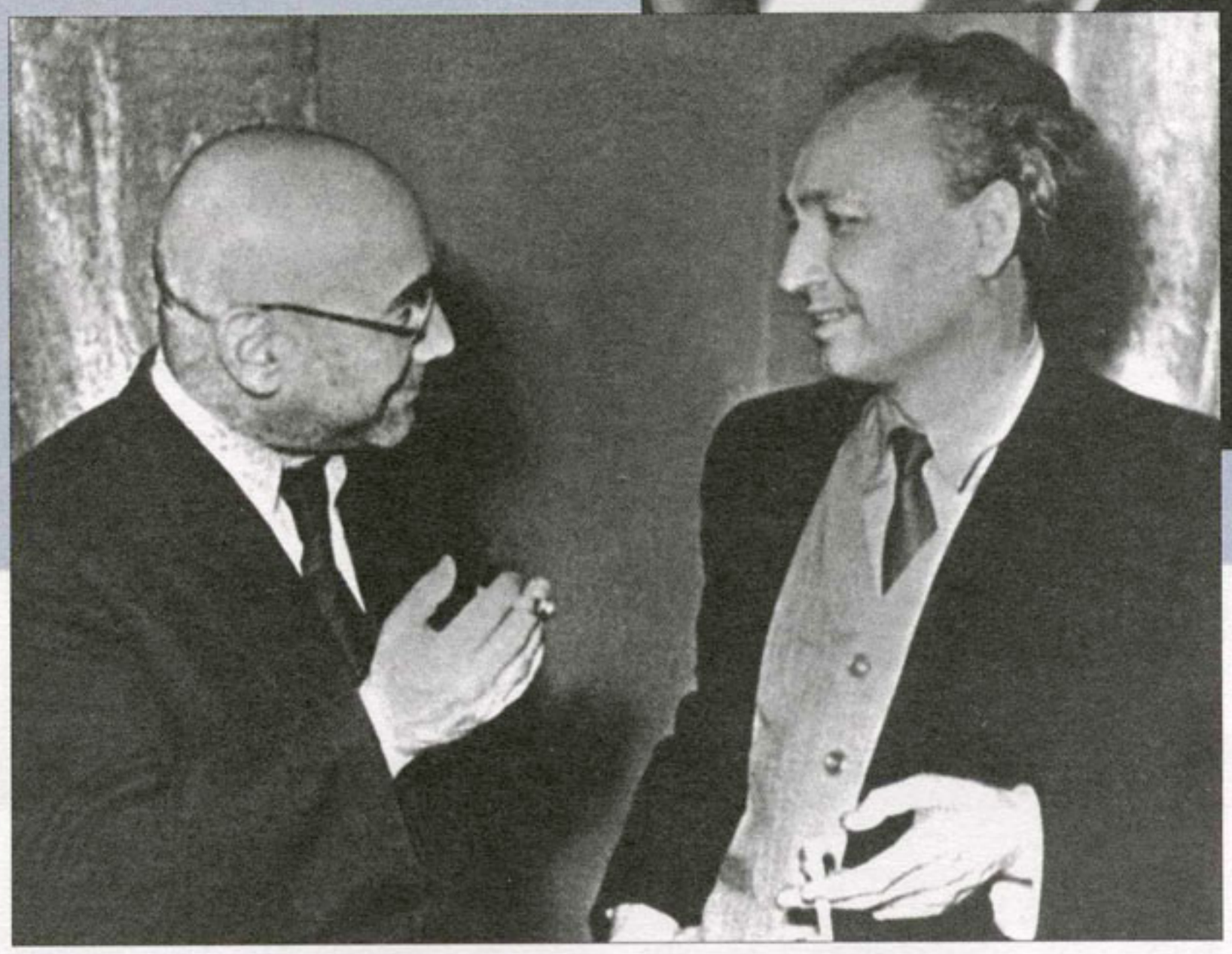
После исполнения I симфонии на открытии филармонии. *1937 г.*



Страница партитуры оперы «Джалиль»

Премьера Пятой симфонии. *29 сентября 1974 г.*

Владимир ЗОТОВ



С учителем Г.И. Литинским. *1950-е гг.*

я бы даже сказал — великая заслуга Жиганова состоит в том, что он первым в татарской профессиональной музыке взялся за решение этих важнейших задач, ибо никакого опыта подлинного оперного, симфонического творчества в довоенный и военный периоды в татарской музыке еще не было.

Я ни в коем случае не миную вниманием подготовительный период рождения новых для татарской музыки жанров: оперы, балета и симфонии. Это ансамблево-оркестровое творчество Салиха Сайдашева, связанное с созданием музыкальной драмы. В этой области необычайно популярный в народе композитор Сайдашев был родоначальником. В его увертюрах уже слышалось само стремление к оркестровому развитию тематического материала, к строй-

ному композиционному изложению, к трактовке образа при помощи оркестровых инструментов. В музыкальных драмах Сайдашева уже видятся зачатки арий в песнях и вокальных номерах. Однако музыкальная драма не является предоперой. Это совершенно самостоятельный жанр, это союз драматического театра, основанного на слове и актерской игре, с музыкой, большей частью вставной. Попытка сделать из музыкальной драмы оперу, желание «поправить» Сайдашева и перевести его «Наемщика» в оперу кончилась неудачей, несмотря на прекрасную, талантливую работу Александра Ключарева по «перековке» одного жанра в другой. Кстати, «оперизация» музыкальной драмы «Наемщик» была сначала предложена мне, но я категорически отказался быть «наемщиком»

к «Наемщику», о чем и сказал Салиху Замалетдиновичу лично. Я ему сказал, что если убрать «недостатки» музыкальной драмы в соответствии с законами оперы, то вместе с ними уйдут и все достоинства, вся прелесть простодушной музыки уйдет в искусственное и отталкивающее усложнение.

Музыкальная драма в татарской музыке — детище талантливейшего Салиха Сайдашева. Этот жанр, который, повторяю, не является предоперой, существует и дальше может существовать как уникально самостоятельный. В связи с этим я полностью отвергаю все попытки противопоставить Сайдашева Жиганову и наоборот. Сайдашев и Жиганов — две важнейшие ветви в общей исторической линии татарского музыкального творчества, где каждый занимает свое почетное место. Их творчество постоянно обращено к зрителю, слушателю, который вправе выбрать для своей души то, что ему ближе. Каждому — свое. Возможность выбора и есть богатство искусства.

Добавлю, что никакого «дискомфорта» по отношению к Салиху Сайдашеву со стороны Назиба Жиганова никогда не было ни в Союзе композиторов, ни в консерваторской среде. Наоборот, именно консерватория начала серьезное изучение творчества Сайдашева. В Союзе композиторов по-человечески дивный Сайдашев всегда пользовался всеобщей любовью и уважением. Мне кажется, что на версии некоего «противостояния» двух замечательных музыкантов, возникшей искусственно по чьей-то злобе или недомыслию, следует поставить точку.

Я возвращаюсь к оперному творчеству Назиба Жиганова. Конечно, у него были удачи разной степени (но ведь у Верди и Чайковского тоже). К несомненным удачам я склонен отнести оперу «Качкын» (либретто Ахмеда Файзи), которую он написал еще будучи студентом Московской консерватории; к наивысшим — «Алтынчач» (либретто Мусы Джалиля), «Туляк и Су-Слу» (либретто Наки Исанбета) и «Джалиль» (либретто Ахмеда Файзи). Не отвергая ряда музыкальных достоинств других его опер, я думаю, что навсегда останутся репертуарными именно эти превосходные оперы.

Из них «Качкын» — своеобразная экспозиция сценического творчества композитора, в которой уже заложены лучшие, самобытные художественные намерения автора. Это первая опера композитора и практически первая татарская опера (я не отрицаю ценности попыток создания татарской оперы В. Виноградовым, С. Габяши и Г. Альмухаметовым). В ней Жиганов выразил важнейшую идею — народ должен быть свободным. Эта идея пронизывает и поэтичнейшую «Алтынчач». В «Джалиле» композитор хочет видеть свободным от зла и мракобесия все человечество, за что отдает свою жизнь его герой — великий Муса Джалиль.

Не случайно именно эти произведения, составляющие уже много лет основу национального репертуара Татарского театра оперы и балета, выдвинули целую плеяду выдающихся национальных певцов, выросших на исполнении партий главных героев и героинь. В операх Жиганова есть что петь, кого петь, что играть и кого играть. Композитор умеет «вылепить» яркий, навсегда запоминающийся сценический образ, насыщенный всей полнотой живого человеческого чувства и драматургической действенностью, воплощенный в превосходной музыке.

«Алтынчач» — начало татарской оперной классики, в которой все «в лад», в стройность, в действенность, в красоту, в которой живут дорогие национальному сердцу образы, образы обобщенные, несущие вечные эстетические, нравственные мотивы бытия, где царствует само совершенство. Я очень высоко ставлю это немеркнущее выдающееся творение классика — Назиба Жиганова.

«Джалиль» — опера, увидевшая свет рампы не только родного Татарского театра оперы и балета, но и самых прославленных сцен мира: Пражской национальной оперы, Московского Большого театра. Спектакль шел в великолепном исполнении, при громадном сценическом успехе. Именно оперой «Джалиль» Жиганов впервые вывел татарскую музыку на мировую сцену.

Не достаточно ли всего этого для одного человека, чтобы воздать ему высочайшую народную благодарность.

Важно и то, что оперное творчество Назиба Жиганова явилось примером для других поколений композиторов, потянувшихся к сценической музыке. Это Хуснулла Валиуллин, Бату Мулюков, Рашид Калимуллин. Конечно, после классического балета Фарида Яруллина «Шурале» трудно было написать балет такого же уровня. Но и здесь Жиганов выступил удачно, создав два прекрасных балета: «Зюгра» (либретто Дины Ариповой) и «Нжери» (либретто Нины Жигановой).

Балетному примеру двух старших композиторов последовал и Анвар Бакиров, написавший балет «Золотой гребень» («Водяная»).

Следует особо отметить замечательные творения Назиба Жиганова в симфонической музыке. В этой области Жиганов творил неистово всю свою творческую жизнь. Необозримое стремление к симфонизации проявилось еще в его ранних операх. Со временем страсть к симфоническому творчеству захватила композитора полностью. Появились превосходные партитуры: «Сюита на татарские народные темы» с гениальной частью «Кара урман»; чудесная симфоническая картина «Кырлай» (по сказке Габдуллы Тукая), «Симфонические песни» — пример умения создать художественные контрасты, яркие перемещения образов, сполна использовать возможности большого симфонического оркестра; блестящая партитура «Сабантуй» — своеобразный концерт для оркестра с ярчайшими сценами из национальной народной жизни (впоследствии партитура вошла в список симфоний); «Симфонические новеллы» с элементами китайского музыкального стиля. Здесь и вырвавшаяся с подмостков оперной сцены увертюра «Нафиса» — сочное, эмоциональное, впечатляющее сочинение, самостоятельно живущее в мире симфонизма. И наконец — большое число собственно симфоний.

Симфоническое творчество стало активно доминировать в татарской музыке, когда композиторы Татарстана добились организации в Казани постоянного профессионального симфонического оркестра. Такой оркестр был создан в 1967 году под руководством выдающегося дирижера Натана Рахлина. С началом деятельности симфонического оркестра связан истинный расцвет татарской симфонической музыки. Для оркестра постоянно писали М. Музафаров, А. Ключарев и я, грешный... Впоследствии — более молодые: А. Монасыпов, Б. Мулюков, А. Бакиров, А. Валиуллин, Ф. Ахметов, Р. Белялов, Р. Еникеев, Л. Блинов, А. Луппов, Л. Любовский, Б. Трубин, А. Шарафеев, Ш. Шарифуллин, А. Миргородский, И. Якубов, М. Яруллин, Р. Еникеева, А. Руденко, Р. Калимуллин...

Назиб Жиганов творил свои симфонии уже в окружении целого «леса» симфонистов, искал свои удачи в общем «многоголосном» творческом процессе. Композитор как бы создал собственную традицию — ежегодно начинать сезон симфонических концертов новой симфонией. Таким образом, количество симфоний росло, подобно годовым кольцам дерева. В общем количестве симфоний немало удач. Есть симфонии подлинно концепционные, есть образно-характерные, есть и симфонии сюитного типа. Во всех партитурах ощущается высокое мастерство оркестрового письма татарского симфониста. Истинная судьба симфоний определится намного позже, когда они все чаще будут звучать в симфонических концертах, когда будут изданы все их партитуры.

Я не историк, а всего лишь участник процесса развития татарской музыки в определенный период (длиною в четверть века) и не стремлюсь к всестороннему анализу творчества Назиба Жиганова. Но скажу, что композитор был очень хорош не только в оперных, балетных и симфонических сочинениях, но и в целом ряде других жанров и форм: фортепианных, хоровых, вокальных, инструментальных произведениях. И здесь он также был Жигановым во весь рост.

Союз композиторов ТАССР. Сидят: Ю.В. Виноградов, Н.Г. Жиганов, С.З. Сайдашев, М.А. Музафаров, С.А. Ключарев. Стоят: оргсекретарь Союза А.П. Рыжкин, Х.В. Валиуллин, А.С. Леман, З.В. Хабибуллин, Д.Х. Файзи. *1948 г.*

III съезд Союза композиторов СССР. Ведет заседание секретарь правления Н. Жиганов. *Март 1962 г.*

В мастерской народных инструментов. *Китай. 1958 г.*

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ

Как известно, Назиб Жиганов был организатором и многие годы бессменным руководителем Союза композиторов Татарской АССР.

Руководство Союзом композиторов принадлежало ему по праву. Он был истинным лидером творческой организации, самым известным создателем новой музыки. Жиганов был не только талантливой личностью, но еще и человеком, которому во многих фазах жизни очень везло. Везло и в Союзе композиторов. Рядом с ним были истинно талантливые композиторы (каждый со своей творческой индивидуальностью), которые вместе могли составить творчески интересный союз. Это прежде всего Салих Сайдашев, музыку которого знал «всяк сущий» татарин. Это и Джаудат Файзи, написавший свои «неизносимые» «Башмачки», множество популярных песен, романсов, арий. Это многоталантливый Александр Ключарев — русский человек, целиком посвятивший себя татарской и башкирской музыке, великолепно знавший татарский язык, автор балета «Горная быль», многих хоровых, ансамблевых сочинений, являвшихся основой репертуара Татарского ансамбля песни и танца, собиратель татарских народных песен. Это Мансур Музафаров — талантливый, этически высокий, мягкий человек, писавший музыку во всех жанрах.

С Д. Шостаковичем. *Казань. 1962 г.*

Это и чудесный, истинно народный композитор Загид Хабибуллин — скрипач, автор целого ряда ярких известных мелодий. Еще витала тень ушедшего Фарида Яруллина — одного из крупнейших творческих дарований. Был еще жив Василий Иванович Виноградов, много сделавший для профессионализации татарской музыки, и его сын Юрий Виноградов — композитор и великолепный теоретик. Влились в Татарский Союз композиторов и два ленинградца — Михаил Алексеевич Юдин и я — члены Ленинградского Союза композиторов, пережившие блокаду. Вскоре появляется сильная творческая фигура — Рустем Яхин, ярко одаренный композитор, блестящий пианист, подлинный артист.

Союз композиторов рос за счет талантливой творческой молодежи, оканчивающей Казанскую консерваторию, где мне довелось 25 лет быть руководителем класса композиции. Это Хуснулла Валиуллин, Алагиер Валиуллин, Исмай Шамсутдинов, Бату Мулюков, Анвар Бакиров, Олег Лундстрем, Алмаз Монасыпов, Анатолий Луппов, Борис Трубин, Мирсаид Яруллин. Далее — Фасиль Ахметов, Рафаэль Белялов, Ренат Еникеев, Лоренс Блинов, Арнольд Бренинг, Наиля Зарипова, Леонид Любовский, Анвар Шарафеев, Александр Руденко, Ильдус Якубов... С годами Союз композиторов еще больше разрастается. Его членами становятся талантливые музыканты Шамиль Шарифуллин, Луиза Хайрутдинова, Фарид Шарифуллин, Роза Еникеева, Рашид Калимуллин. Союз композиторов пополнился и рядом талантливых музыковедов — историков, теоретиков, фольклористов.

Назиб Жиганов руководил Союзом энергично, выступая с множеством ярких инициатив. Регулярно проводились творческие собрания, организовывались пленумы (часто тематические), серии смотров-концертов, выездные концерты, съезды.

Союз композиторов Татарстана постепенно становился одной из крупнейших творческих организаций в стране, подлинным музыкальным центром Поволжья... Назиб Жиганов постоянно избирался в центральные органы творческих союзов страны. Он был одной из самых авторитетных фигур композиторской среды.

Я считаю, что Назиб Жиганов был превосходным руководителем Татарского Союза композиторов до той поры, пока физические и моральные силы позволяли выносить сверхнагрузки — композитора, ректора, профессора, председателя Союза...

Первое здание консерватории. Улица Пушкина, д. 1

КОНСЕРВАТОРИЯ

Сегодня я, вероятно, один из очень немногих, кто прямо причастен к организации, открытию и становлению Казанской консерватории. Это был великий шаг в будущее национальных музыкальных культур — не только татарского народа, но и целого ряда культур Поволжья, а также и географически очень отдаленных народов (Тувы, Калмыкии и др.).

Идея создания этого важнейшего центра музыкального образования целиком принадлежит Назибу Жиганову. Мысль об открытии в Казани консерватории созрела у Назиба, конечно, давно. Но осуществить ее удалось самым чудесным образом сразу по окончании войны. Еще города были в руинах, а в 1945 году в Казани открывается консерватория!

В создании целостной системы музыкального образования в республике Назиб Жиганов, как и в других областях своей изумительной творческой деятельности, был последовате-

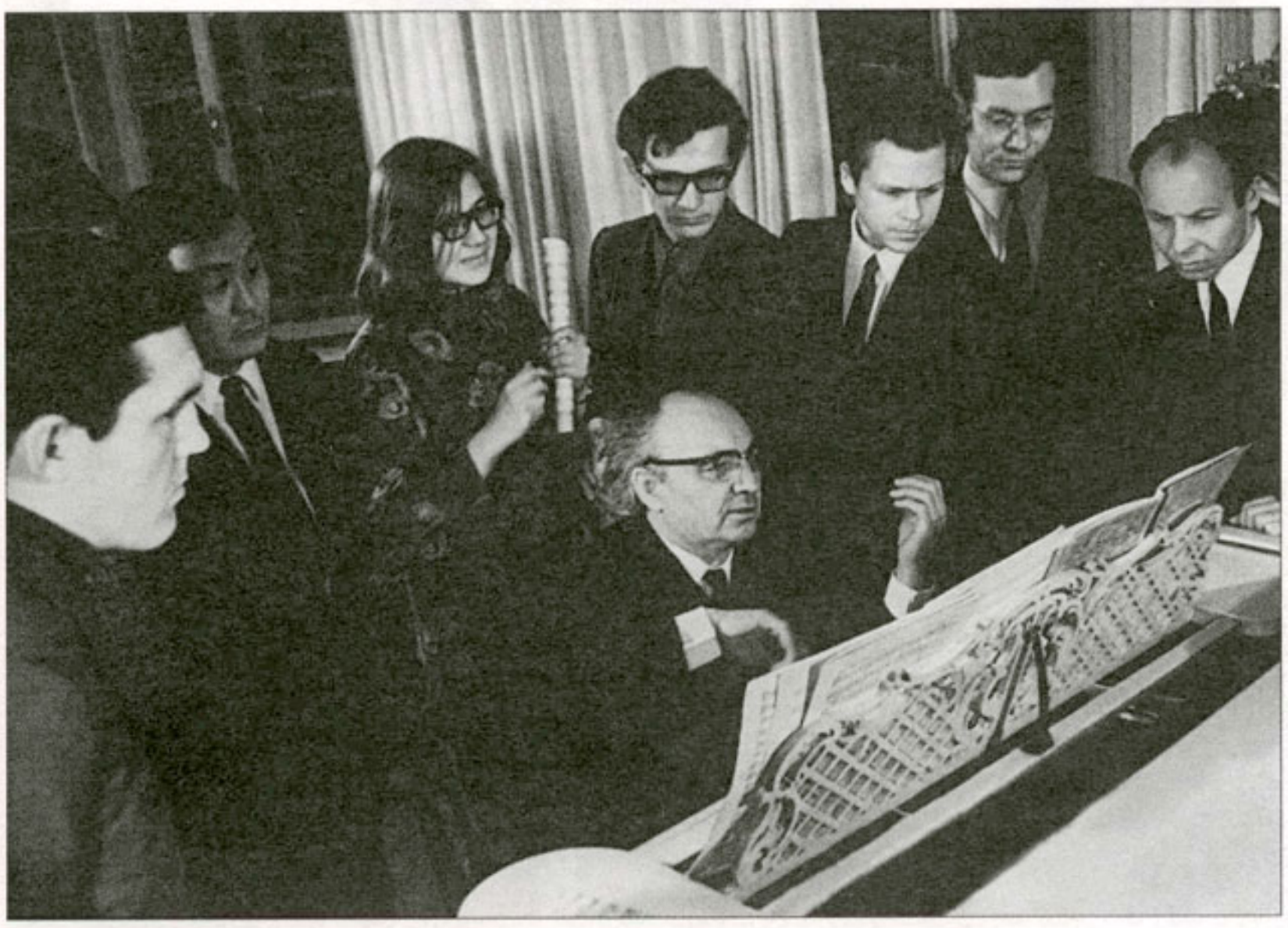
В кабинете директора консерватории. *1948 г.*

лен и целенаправлен. Чувство нового, чувство будущего, грядущего было так развито, что он сумел доказать необходимость, неотложность открытия в Казани высшего музыкального учебного заведения.

Роль и значение консерватории теперь для всех очевидны. Возникла крупнейшая в стране композиторская школа, новая по своим принципам, необыкновенно результативная. Подготовлено большое количество ярких профессиональных композиторов, творчески работающих во многих музыкальных центрах страны. В Казани выросла и музыкальная наука.

Казанская консерватория за пятьдесят лет своего существования под-

Пятый выпуск консерватории. Средняя во втором ряду — Сания Губайдуллина. *1953 г.*



На занятии по инструментовке. *1979 г.*

готовила много первоклассных исполнителей: певцов, пианистов, дирижеров хора, оркестра, специалистов оркестровой игры (струнников, ударников, духовиков), успешно работающих в оперных театрах, филармониях, музыкальных учебных заведениях страны.

Важно и то, что Назиб Жиганов вовремя позаботился и о базовой начальной подготовке музыкантов. Были открыты Средняя специальная музыкальная школа при консерватории, несколько музыкальных училищ, множество музыкальных школ, питающих всю систему музыкального образования.

Владимир ЗОТОВ

С педагогами Казанской государственной консерватории. *1970-е гг.*

В кабинете ректора. *1980 г.*

Я свидетельствую, что Назиб Жиганов был превосходным, умным, радивым, дальновидным ректором. Для работы в консерватории он привлек крупных музыкальных педагогов. Сейчас многие из тех, кто стоял у истоков консерватории и оставил глубокий след в формировании казанской школы музыкальной педагогики, уже ушли из жизни. Остались их ученики и ученики их учеников, не уступающие по мастерству своим учителям. Я уверен, что все они осознают роль, которая принадлежит Назибу Жиганову в создании современной культуры татарского народа. Я рад, что во главе нынешней консерватории стоит талантливый Рубин Абдуллин — умный, деятельный человек, музыкант-исполнитель, организатор, который способен успешно продолжать дело Назиба Жиганова.

Назиб Жиганов заслуживает вечного памятника, его имя должна носить созданная его талантом, умом, энергией Казанская государственная консерватория.

Статья написана в 1996 году. Рукопись хранится в архиве Мемориального музея-квартиры Назиба Жиганова.

Леман Альберт Семенович (1915–1998) — композитор, педагог, народный артист РСФСР, заслуженный деятель искусств Чувашской АССР, лауреат Государственной премии СССР, профессор Казанской консерватории (1945–1970), профессор Московской консерватории (1971–1998).

Среди студентов консерватории на воскреснике. *1979 г.*

Источник: *Леман А. Назиб Гаязович Жиганов…Назиб Жиганов…Назиб… // Казань.- 2001.- №.1.- С. 21-28.*